

Владимир Панков

Мир в голове

Впечатляющие истории человека из чайника

Владимир Панков

Мир в голове

«Издательские решения»

Панков В. А.

Мир в голове / В. А. Панков — «Издательские решения»,

Эта сказочная повесть для умного читателя любого возраста. Она о человеке из чайника, которого зовут сэром Бэнси, джентльмене без определённого возраста, но с определённым желанием рассказать нам об удивительной красоте мира, традициях разных народов, жизни в согласии с Природой и Небом. Вместе с ним мы побываем в Англии и Испании, в пустыне Сахара и тропическом лесу, в Китае и Японии. Его дом — славный город Пайпервиль, в котором что ни улица или квартал, то страна, обычай, приключения...

© Панков В. А.

© Издательские решения

Содержание

О чём и для кого эта книга?	6
Читатель должен знать своих героев	7
Вместо предисловия	10
I. Ночь в чайном магазине, или Перпендикулярный полицейский	12
II. Съедобные стихи, или	15
III. «Разноцветная Пристань», или Как зайти в Арабский квартал, свернуть в Париж и оказаться в Индии	20
IV. Помидорная война, или	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мир в голове

Владимир Александрович Панков

Взрослым, которые как дети. Детям, которые как взрослые.

© Владимир Александрович Панков, 2016

© Евгения Бубер, дизайн обложки, 2016

© Анна Завьялова, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О чём и для кого эта книга?

О славном создателе впечатлений – человеке из чайника. О забавных приключениях. О смешном и грустном. Ведь часто между ними всего один шаг...

И, конечно, о Голове – куда же без неё. А еще она о Мире, который не где-то там, за часовыми поясами, в гостиницах, на пляжах и музеях, а рядом, в той же самой великолепной Голове. Вы не верите, что это подходящая жилплощадь для целого мира? Напрасно. Там многое может уместиться, в этих 86 миллиардах нейронов между нашими ушами.

Но если о своей Голове и ее содержимом вы знаете лучше меня, то что можно сказать о Мире? Реальном мире, который и есть настоящая «пища для ума»?

Мир – это бесконечная череда перемен. И в этом нет никакой новости. Он всегда менялся. С самого рождения. Новость в том, что сегодня мир меняется стремительно. Как огромный корабль он летит на всех парусах. Куда? Кто знает. Разве кто-то спрашивал об этом у Капитана?! Теперь у каждого свой компас и свой маршрут. И это неплохо. Только вот север и юг у каждого тоже свои!

Мир – это сеть. С некоторых пор и такое утверждение перестало быть чем-то новым. Мы каждый день (кто больше, а кто меньше) путешествуем по сети под названием Интернет. Но при этом всегда ли понимаем, что за незримые нити связывают нас, в какие «сети» мы попадаем...

В общем, эта история не так уж сказочно проста. Она для тех, кто умеет правильно читать. Для впечатлительных и умных, если позволите. И раз вы себя считаете себя таковым – милости просим к нашему чайному столу...

Заварите себе хорошего чайку и... читайте на здоровье!

Читатель должен знать своих героев

СЭР БЭНСИ – человек из чайника, рассказчик и организатор превращений, путешествий и приключений. Милое существо, которому тысячи лет. Обождает маленькие повседневные чудеса и любит быть их спонсором и режиссером. Подвержен страстям человеческим и нередко бывает взволнован, воодушевлен и разочарован.

МАЛИНКА – современная девочка-подросток, привыкшая к одиночеству, но мечтающая о полном доме друзей. Ей интересно всё японское, домашние собачки, умеренные (не опасные) приключения и одноклассник Тимофей по кличке Граффити. Любопытна, хотя точно не знает чего именно хочет, куда и за кем идти. Пока...

ТИМОФЕЙ (ТИМ) ГРАФФИТИ – юный программист и художник, рисующий где попало. Фома-неверующий, в тайне мечтающий стать настоящим мужчиной, но совершенно не представляющий, как это сделать. Несколько неуклюж и неопытен в силу врожденного пофигизма и любви к программированию приложений. Куда их прикладывать он пока не решил... В общем – начинающий гик, иногда выпадающий из реальности.

МИСТЕР ТРАБЛ (он же господин Форс Мажор) – весьма противоречивый господин. Тренер по чрезвычайным ситуациям и деликатным обстоятельствам, вызыватель дождей и укротитель скорпионов, любитель синих апельсинов, домашнего уюта и дерзких вылазок в неизвестность. Прекрасный актер и перевоплощенец. Местами чрезмерно нахален и невыносим. Любит разводки и трюки. А так – ничего себе мужик...

МИСТЕР ТРИК – подручный мистера Трабла и хозяин внезапно пропавшей кобылы.

ОРАНЖЕВЫЙ МОНАХ – японец до мозга костей, сильно монашествующий, но не отказывающий себе в дорогих костюмах от Zegna. Обождает сверчков и их волшебное пение. Уважает духов. Крайне религиозен и обрит наголо.

СЕНЬОР АЛОНСО – живой памятник ветряной (ветреной?!) истории. Немного печальный и совсем не хитроумный. В меру галантный и начитанный. Слегка помешан на фалеристике и своей прошлой славе. Грезит на яву и мечтает стать основателем Странствующего общества по защите зачарованных животных и ветряных мельниц.

МИССИС ЛИПТОН – «вечнозеленая» английская леди, громко и незабываемо тоскующая о славном прошлом, готовая умереть за честь лондонских туманов и славных традиций Викторианской эпохи. «Серджант в юбке», не терпящий возражений. Очарована английскими садами и манерами настоящих джентльменов (в далеком прошлом). Обождает английскую кухню и немного боится привидений. Изобретательна и практична. Живет в компании с говорящим попугаем Джимми и собственными воспоминаниями.

ПРОДАВЕЦ МОРОЖЕННОГО – странный тип, хронически страдающий вечной погодой за выгодой. Не считает себя отмороженным, поэтому патологически осторожен и насторожен. Мечтает сделать свое мороженое эликсиром долголетия, но иногда впадает в неоправданный пессимизм.

БЕЗУМНЫЙ АРАБ – странствующий аптекарь, чудесник и последняя надежда больного, наследник славы таинственных магрибских колдунов, маг и волшебник (безобидный). Добрый друг бедуинов и владелец травяной аптеки. Примерный выпускник Школы исчезновений. Давно и почти безуспешно ищет Великую Пустоту в пустыне. Безумен только на первый взгляд...

МАСТЕР ЛУ – китаец и знаток чая. В далеком прошлом бродячий комедиант, монах и придворный чаевед. Опытен, мудр и многое видит. Даже то, чего вовсе нет и быть не может...

ЙОГ – любитель стоять на голове, завязывать себя кренделем и мысленно путешествовать по Вселенной. Владелец роскошного велосипеда от Tiffany и покровитель всего живого – прыгающего и летающего.

МАДЕМУАЗЕЛЬ АДЕЛАИДА – хозяйка славного колесного парохода «Пармезан». Страстный коллекционер подвенечных платьев и морских якорей. Обождает авантюры и хорошие порции адреналина. Решительна и бесшабашна. Настоящий «геморрой» для старого доброго адмиралтейства.

ДЖАМБО и КУАХЕРИ – молодой африканец. Владелец феноменально длинных ушей, ослепительной улыбки, студии загара «Африка» и самолета марки «Дуглас».

ДЖЕНТЛЬМЕН С ВОЗДУШНОГО ШАРА (он же – Орхид Хантер, охотник за орхидеями и, возможно, близкий родственник сеньора Алонсо) – человек, рожденный с «компасом в голове». Застенчив и человеколюбив, член Общества очарованных жизнью. Защитник старинных органов и редких растений. Мечтает о зеленом рае на земле и страдает неизлечимой формой эмпатии (сочувствия ко всему живому).

МАСТЕР ЧАЯ И МАСТЕР ПРЕДСТАВЛЕНИЙ — восточные люди со всеми вытекающими отсюда последствиями.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ №1 и №2 – играют весьма скромную роль перпендикулярных статистов, но очень важны для поддержания порядка в повествовании.

ДЕЖУРНЫЙ ПОФИГИСТ — так себе персонаж, хипстер в очках от «Боба Дилана» и джинсовых бриджах, выходец с домашней интернет-страницы, мальчик на побегушках, но подающий большие пофигистические надежды.

МАССОВКА — славные жители славного города Пайпервиля, балаганные зазывалы, бедуины и бедуинки, одомашненные жители домашних страниц Интернета, африканская вызывательница дождя, каллиграф, чаелюбы, предводители слонов и Нерешительный гражданин.

КОЕ-КАКИЕ ПОЧТИ ОДУШЕВЛЕННЫЕ ВЕЩИ И ОБЪЕКТЫ:

ДВЕРИ (переход – оттуда – туда, туда – и оттуда, вход и выход одновременно).

ГОРОД ПАЙПЕРВИЛЬ – мир, каким он может быть, но не является, каким мы хотим его увидеть, но не знаем, когда именно это, наконец, произойдет. Место, где в любви и согласии проживают прошлое, настоящее и будущее, существующее и придуманное, сущее и присущее, где всё рядом и всё зависит от всего. При желании можно считать это городом программного обеспечения Будущего, несбыточной, но манящей мечтой, виртуальным градом обетованным или тренировочным лагерем для мечтающих о лучшем мире или пристанищем для беженцев от реальной жизни.

ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА С МЕРЛИН-СТРИТ – в силу обстоятельств является бродячей будкой. Всегда исчезает и появляется в нужный момент. Из неё без проблем можно позвонить куда угодно и кому угодно. Совершенно бесплатно, так как все счета оплачивает автор книги.

САМОЛЕТ «ДЖАМБО-ДУГЛАС» – двухмоторный самолет без моторов и спаситель главных персонажей, а значит и авторских замыслов.

– Как объяснить то что у меня в голове еще с детства существует выдуманный мир, в котором живут люди, стоят здания, ездят машины... Даже президент есть, который выиграл воображаемые выборы. И все это переплетается с моей реальной жизнью, то есть, например, я решил что-то приобрести и мне обязательно надо представить, как в том выдуманном мире издается какой то документ, его подписывают и т. д. Мне это как бы особо не мешает в жизни, но все же это нормально или нет? С точки зрения психологии как это объяснить?!

– А я могу всё и без воображалки делать. Могу даже представить, что там атомная бомба упадет и не станет мира!))

– У меня тоже свои выдуманный мир, где я крутой движниковый чувак на бентли!!

– У каждого в голове свой выдуманный мир.

– Это совершенно нормально, главное, жить-то в реальном мире. Даже строчки вспомнились: In my mind my dreams are real...

– Шизофрения. Она такая шизофрения. Сейчас есть классные препараты.

– Это очень хорошая возможность... изменить себя и свою жизнь, чтобы она стала лучше – чем в голове!!)) Или найти что-то ОБЩЕЕ между этими мирами (оно есть) и жить в нём или с ним.

Из переписки в Интернете

Вместо предисловия

ТЕХНИК I: У нас сегодня просто жуткий день. Работы – целая гора.

ТЕХНИК II: Не гора, а Город.

ТЕХНИК I: Хорошо ещё, что его не надо строить, а можно взять и напечатать вот на этой штуке. Нет, это не автомат для попкорна. Это принтер. Только он не печатает всякую ерунду. Все эти никому не нужные слова, бизнес-планы или объявления о пропаже котов. Он печатает настоящие вещи. Может напечатать букетик цветов или кусок докторской колбасы. Ты любишь бутерброды с колбасой?

ТЕХНИК II: Люблю. Но это вредно. Лучше напечатать самолет, какое-нибудь лекарство или копию собственного уха. На всякий случай – вдруг с ним что-нибудь произойдет.

ТЕХНИК I: Или третий глаз.

ТЕХНИК II: Или пятую ногу для любимого пса.

ТЕХНИК I: Мы можем напечатать всё. Всё, что нравится. Даже то, чего пока нет. Не верите? Скоро вы сами сможете делать тоже самое в своем гараже или прямо на письменном столе. Вы сможете изменить мир вещей. А, может быть, и всё на свете перепечатать заново...

ТЕХНИК II: Вы думаете, что это бред сумасшедшего? Тогда почитайте последние новости из Интернета. А дополнительная реальность?

ТЕХНИК I: Это она пока только дополнительная...

ТЕХНИК II: Вы подойдите поближе и посмотрите, как я печатаю Эйфелеву башню и еще кое-какие мелочи из пригородов Парижа. Вот они! Как новенькие!

ТЕХНИК I: Если захотите, и вы можете у нас что-нибудь себе напечатать – умные глаза, например. Или автомат Калашникова...

ТЕХНИК II: А вот с этим надо поаккуратней. Сегодня можно делать почти всё. Вопрос – ЧТО ИМЕННО и ДЛЯ КАКОЙ ЦЕЛИ. А у вас есть цель для нового напечатанного мира? Есть чертеж? И зачем он вообще вам сдался этот замечательный новый мир? Может вам и в старом не так уж плохо. Посреди того, что творится вокруг.

ТЕХНИК I: У нас всегда так: печатать можно уже сегодня, а что печатать не знает никто.

ТЕХНИК II: Но, понятное дело, – всегда найдутся какие-нибудь отчаянные люди. Люди, которые уверены, что всё знают. Которые захотят посоревноваться с Богом. И вы доверите им печатать их безумные фантазии. А вы не думали о том, что мир, который они для вас сочинят, будет таким, что в нем просто не захочется жить. Ни минуты, ни секунды. А у вас самих есть хоть какие-то мысли насчет того, как всё это правильно устроить? Кажется, вы тоже не прочь что-нибудь напечатать. Тем более, что для этого ничего особенного и не нужно: какое-нибудь личное сумасбродство, отвязанная фантазия и кнопка, которую нужно нажать. Вы уверены, что придуманные вами вещи не навредят вам? Что ваш мир будет пригодным для проживания? Или все-таки лучше пока оставить его на бумаге. Или в вашей голове... От греха подальше. Может быть сначала потренироваться на чём-нибудь безвредном. Бог ведь тоже, наверное, не сразу начал...

ТЕХНИК I: Тебе не кажется, что мы сильно отвлеклись? Нам сегодня целый город сдать надо. Городской парк с орхидеями и китайская пагода – всё это надо быстренько напечатать. Нельзя подвести заказчика. Кто он, спросите вы? Ну об этом вы скоро услышите...

(Раздается громкий звук разбившейся посуды)

ТЕХНИК II: Вот-вот. Кажется, кто-то что-то разбил.

ТЕХНИК I: Вдребезги!

ТЕХНИК II: Я думаю, надо устроить себе маленький перерыв и пойти посмотреть.

ТЕХНИК I: На что? На осколки?! Их место в мусорном ведре.

ТЕХНИК II: Но иногда это бывают блистательные осколки. Они представляют большую ценность.

ТЕХНИК I: Да. Когда пройдет лет сто. А лучше – тысяча.

ТЕХНИК II: Ничего. Подождем. Нам торопиться некуда...

I. Ночь в чайном магазине, или Перпендикулярный полицейский

Нет ни одного человека в нашем городе, который бы не знал о чайном магазине на Весницкой улице. Среди угрюмых и невзрачных домов он как диковинный заморский гость. Веселый праздник посреди скучного дня.

Его китайский раскрашенный фасад, золотые драконы над окнами и сверкающие павлины легко возбуждают фантазии обывателей, маня к загадочной двери. Двери на мнимый Восток – к удачной выдумке здешних торговцев.

Всего один шаг – и густое облако чайно-кофейных ароматов доводит начатое дело до конца – увлекает, очаровывает и соблазняет. Окончательно и бесповоротно. Против этого устоять невозможно, и через минуту счастливый покупатель выходит на тусклую улицу, груженный пакетами и пакетиками, жестяными банками и коробочками. И всё вокруг невообразимо благоухает.

Но это происходит днем, а ночью дом погружается в многозначительную темноту, медитирует и копит силы. До следующей череды обольщений.

В одну из таких глухих и ничем не примечательных ночей с субботы на воскресенье в окне нижнего этажа неожиданно появились желтые круги света, похожие на яичницу-глазунью в черной, как ночь, сковородке.

Свет шел из маленькой подсобки, заставленной фанерными ящиками с чаем и коробками с посудой. В самом центре этого неуютного пространства, спиной к окну на маленькой деревянной скамеечке сидел странного вида незнакомец – не большой и не маленький, не молодой и не старый, в уютном домашнем кафтане и простых холщовых штанах. На ногах у незнакомца были детского размера кожаные ботинки без каблуков.

Ночного гостя вполне можно было принять за местного сторожа, страдающего бессонницей, если бы ни китайский жилет с металлическими ромбиками вместо пуговиц и модный полосатый шарф, небрежно намотанный вокруг шеи.

Незнакомец аккуратно зажигал в темноте свечи и ставил их на край чайных ящиков, хотя вокруг было полно электричества – провода, розетки, выключатели. При этом он громко разговаривал сам с собой. Разными голосами, словно в комнате был кто-то еще.

– Будьте любезны, – раздался тонкий и вкрадчивый голос, – назовите цену своего лота!

– Непременно, господа, непременно! – ответил толстый и уверенный баритон. – По правилам чайного аукциона я должен зажечь свечу. Пока она не уменьшится на дюйм, мы можем торговаться в свое удовольствие. Итак, приступаем, господа!

Ночной гость в китайском жилете запалил очередную свечу и «торги» начались.

– Лот номер 206. 5 фунтов 25 пенсов! Кто больше!

Свеча вспыхнула яркими светом, и тонкий голос сделал свою заявку:

– 5 фунтов, 27 пенсов. И пол фартинга в придачу! Случайно завалился...

– Пол фартинга?! Вы что хотите мне всучить?! Эта монета уже почти два века не в ходу!

– Так это же антиквариат! – обиженно протянул тонкий голос. – Вы хотя бы представляете, какова её настоящая цена?!

– Ну-да, ну-да. Конечно. Сегодня мертвая медная монетка гораздо дороже живого чая. Так скоро кроме антикварных фартингов и есть будет нечего!

Время шло, свеча уменьшилась на положенный дюйм.

– Ваша чайная карта бита, сэр! – снова оживился тонкий голос.

– Продано! – радостно подтвердил толстый голос. Ночной гость налил в хрустальный стаканчик чаю из термоса и огорченно вздохнул:

– Что творится в этом мире! В Кении опять засуха. Вьетнам залило по самые макушку. Еще немного и Цейлон, этот райский остров, объявит себя чайным банкротом. Чайный кризис, господа! Что-то пошло не так, и теперь даже чайные кусты взбунтовались!

Незнакомец покачал головой и снова отхлебнул из стаканчика.

– Вы когда-нибудь видели, чтобы кусты или деревья устраивали забастовку?! Совершенно в итальянском духе: они не покидают садов. Даже цветут. Но не дают ПЛОДОВ! Как здесь невыносимо жарко! Как в Кении!

Стояло лето, и в тесной подсобке было невыносимо душно. Ночной гость протиснулся к окну, нажал на шпингалет и широко распахнул створки. И тут истошно завопила сигнализация.

От неожиданности незнакомец отпрыгнул в глубь комнаты и в растерянности замер. Он никак не ожидал такого подвоха!

Не прошло и пяти минут, как в подсобку влетел вооруженный полицейский патруль. Но «злоумышленник» в китайском жилете даже не попытался скрыться. Наоборот – он обрадовался вновь прибывшим как родным. Возможно, ему вообще надоело разговаривать с самим собой, и теперь представился случай поболтать по душам. Встав на скамейку, чтобы казаться повыше, ночной гость радушно раскинул руки:

– Не хотите ли испить чайку, господа?!

Но это неуместное гостеприимство лишь подлило масла в огонь. И не удивительно: полицейские, эти почти мистические существа, как правило, расположены к нам почти перпендикулярно. Когда их ждешь и обрываешь телефонные трубки, они обязательно пропадают где-то целую вечность. Но стоит забыть о них, или вовсе не иметь желания их видеть, – они тут же сваливаются на нашу голову. Неожиданно, неуместно и грубо.

– У вас здесь что – чайный притон? Чем это вы здесь занимаетесь? – строго спросил один из полицейских. Маленький человечек, неизвестно как оказавшийся в полночь в кладовке магазина, был слишком подозрителен. Но при этом он был на удивление спокоен.

– Я пытаюсь понять, что происходит в чайном мире!

– Мир меня совершенно не интересует! – отрезал полицейский и вытащил служебный жетон. – «Полиция-24». Меня интересует эта кладовка и ваша личность. Кто вы, откуда и как, черт побери, сюда попали? Ваши истинные намерения?

Человечек пожал плечами. Его глаза были полны миролюбивого недоумения.

– Мои намерения чисты, как свежий весенний чай. А здесь я совершенно случайно. Вынужденные обстоятельства. У меня большая проблема. Можно сказать – катастрофа. Но я здесь всего лишь на время. Пока не подыщется подходящий чайник.

– Какой чайник? – изумился второй полицейский.

– Обычный. В котором заваривают чай.

Первый полицейский снова пришел в негодование:

– Что вы мне голову морочите: вон сколько вокруг чайников. Пруд пруди.

Чайников было действительно много. Они стояли рядами на полках – один симпатичней другого.

– Увы, всё на так просто. Главное, чтобы у чайника был хороший хозяин. Чтобы мне понравился. Иначе новоселье не состоится. Я не могу жить где попало!

– Какие чайники, какие новоселья! – не выдержал второй полицейский. – Что вы мне сказки рассказываете!

Лицо человечка озарила радостная улыбка:

– Конечно, рассказываю! – он вскарабкался на чайный ящик и встал в позу профессионального декламатора. – Я этим всю жизнь занимаюсь. По крайней мере последнюю тысячу лет. Могу и вам рассказать. На ночь...

Это было последней каплей.

Первый полицейский схватил незнакомца за руку.

– Живее собирайся, сказочник ты наш! Твои гастроли закончились.

Незнакомец по-прежнему излучал необъяснимые в этих нервных обстоятельствах спокойствие и добродушие:

– Прежде чем я отдам себя в надежные руки правосудия, позвольте мне навестить одного очень важного для меня знакомого. Точнее – знакомую. Мне нужно ей кое-то объяснить. В педагогических целях.

Второй полицейский настороженно вытянул шею:

– Какая такая знакомая?

– Это совсем рядом. На противоположной стороне улицы. Я могу дать очень надежную гарантию своего скорого возвращения.

– Какую же?

– Слово джентльмена.

Полицейские рассмеялись. При этом первый полицейский никак не мог остановиться. Он хохотал до слёз.

– Теперь мы верим, что вы рассказываете сказки. Старые и добрые. Но это не меняет суть дела. Нам надо пройти в отделение. Хотите жвачку? Жуйте и успокойтесь...

Человечек отказался. Он и так был абсолютно спокоен:

– Что ж, если для вас слово джентльмена давно упало в цене, нет смысла его поднимать. – Незнакомец обреченно вздохнул, – Раз так, господа, значит – ESCAPE!

И он исчез. Загадочно. Не прощаясь. По-английски.

Патруль растерянно замер у раскрытого окна, а бдительная сирена снова начала вопить.

Теперь стало окончательно ясно, что причину ночного происшествия следует искать совсем в другом месте. И в другом времени: в субботу, за день до описываемых событий. Но об этом обескураженный полицейский патруль не имел ни малейшего представления...

II. Съедобные стихи, или Как плохо быть бездомным

Чаще всего какая-нибудь мелкая неприятность приходит неожиданно. Она просачивается в наш дом как протечка с верхнего этажа. И очень редко остается в одиночестве...

Впрочем, все по порядку.

Вы, конечно, терпеть не можете мыть посуду. Откладываете это дело на потом, копите горы грязных тарелок в тайной надежде, что все как-нибудь рассосется. Но никакие уловки не помогают, невымытая посуда никуда не девается, и вам приходится браться за дело.

Тем более печально, когда это не одна единственная чашка, а неприступная гора тарелок, больших и поменьше, жирных и скользких, которым так и хочется выскользнуть из мокрых рук. А эти блестящие вилки и ножи, за которыми глаз да глаз! Они просто обожают шлепаться на пол и противно звенеть, напоминая о примете насчет незваных гостей.

Нет ничего удивительного в том, что героиня нашего повествования по имени Марина или Маринка, как её называли домашние, терпеть не могла все эти посудомоечные проблемы. Но ими тоже кому-то надо было заниматься.

И вот однажды, когда пришел этот печальный субботний вечер, Маринка отправили на кухню воевать с горой невымытой посуды. Это был настоящий фаянсовый Эверест, украшенный остатками семейного торжества. Вершина, на которую никому не хотелось взбираться.

Когда на кафель соскользнул мельхиоровый нож, злорадно звякнув на всю кухню, все бы обошлось – дело шумное, но пустяковое. Но на сей раз случилось ужасное: в тот момент, когда в мучительной борьбе с собой пора было ставить точку и завершить, наконец, этот нелегкий подвиг, – бах! дзинь! блинь! Закаленный в многочисленных семейных чаепитиях китайский чайник, этот пузатый долгожитель, неожиданно выскользнул из рук и разлетелся по полу цветными фарфоровыми брызгами.

Бах! Дзинь! Блинь!

Все кончилось тем, что наутро мама отказала Маринке во всех привычных воскресных развлечениях: ни телевизора, ни друзей. Даже сладкого не досталось: так что «заесть» эту свалившуюся на голову неприятность было нечем. Сиди в своей комнате и смотри в потолок. Застрелиться можно!

– Со мной точно, что-то не так. Какая-то жуткая полоса. Теперь вот чайник грохнула. Тут и пренты подналетели. Память! Ужас! Валокордин! Могли бы меня успокоить – я же не нарочно. Я давно говорила, что надо купить другой чайник, новый. С кнопочкой. Такой и разбить не жалко. Такие пучками продают. А тут – память, редкость, не дыши, – Маринка села на край кровати и безнадежно опустила руки. – Был чайник и нет его теперь. Говорить «был» как-то неприятно. Всё равно, что звонить из больницы и спрашивать: «Можно поговорить с вдовой господина Иванова?» А его уже нет. А она не знает, что она уже вдова. Ну вот – совсем похоронное настроение.

Маринка знала, что уныние – большой грех, и отчаиваться нельзя ни при каких обстоятельствах. Но как быть, когда день испорчен самым отвратительным образом. И старый домашний чайник жалко, и за себя обидно. А еще одиноко, как в африканской пустыне.

– Всё запретили! Не хочу я быть послушной «ванилькой»! Ну нет ничего вокруг! Никаких безумных идей! Воспитывают! Ну и что? Лучше бы собаку подарили! А теперь тоска зеленая. Как потёкшая тушь! Как перегоревшая лампочка в подъезде. Кофе без сахара! Горькое и противное. Скука. Такая, что хоть ложись и умирай!

Слезы покатались без спросу, сами собой – соленые и печальные.

Но всем хорошо известно, что плохое не может продолжаться вечно: когда-нибудь и ему приходит конец. Надо только уметь дождаться подходящего момента. Когда пробьет час, тебе обязательно подадут знак, что пора готовиться к лучшему.

Этот долгожданный знак нарисовался в дальнем углу комнаты среди брошенных конфетных коробок, музыкальных дисков и ореховой шелухи. Ни с того ни с сего вдруг что-то булькнуло возле самой стены, повалил густой пар и запахло прекрасным жасминовым чаем. Потом по комнате разлилось сказочное тепло, тихо запела флейта, зазвенели хрустальные колокольчики и как в добрые старые времена из этого музыкально-ароматного тумана неожиданно появился человечек в приметном китайском жилете.

За плечами незнакомца болталась связка старых театральных масок, а на боку, в плетеной корзиночке, пристроился серебряный чайничек достаточно древнего вида. Правда, сейчас не стоит обольщаться насчет всякого антиквариата – на свете делают всё что угодно. Иной раз смотришь, и не знаешь, откуда такое взялось. Не редкость, когда это вовсе какая-нибудь компьютерная химера. В наше время надо очень серьезно тренироваться, чтобы не разучиться отличать поддельное от настоящего.

Но главными в незнакомце были глаза – доверчивые, как у ребенка. Его лицо вряд ли можно было назвать красивым, но эта дружелюбная улыбка, этот искренний картофельный нос, эти розовые щечки в окружении смешливых морщин... Он был очень симпатичным этот прекрасно неожиданный гость.

Сначала Маринка подумала, что все это ей снится, что это какой-то новый виртуальный герой, каких в ее компьютере было не меньше батальона. К слову сказать, это были смелые и надежные ребята. Они без усталости гоняли цифровых злодеев по параллельным мирам, и с ними можно было делать все, что угодно. Кроме одного – просто так поболтать. А ведь иногда очень хотелось расспросить их кое о чем.

– Наконец-то мы и встретились, Маринка!

Незнакомец оказался настоящим: все эти герои компьютерных ахиней не зовут тебя по имени. У них нет такого располагающего лица. С такими лицами подвигов не совершают...

Пришелец немного помолчал, а потом, словно извиняясь за чужую оплошность, смущенно произнес:

– Ты разбила фарфоровый чайник. Я понимаю, что без всякого злого умысла: всё когда-нибудь разбивается или приходит в негодность. Но это очень печально, потому что теперь я остался без дома.

Это было так неожиданно, что у Маринки всё похолодело внутри – одно дело разбить старый уважаемый чайник и совсем другое – оставить кого-то без дома. Тем более такое симпатичное существо. Это было уже слишком.

– Простите. Я не знала, что в чайнике кто-то живет, что это ваш дом!

– Да. Он был таким прекрасным... И вот теперь я вынужден ночевать в самых неподходящих местах. Я бомж – человек без определенного места жительства. Таких в Париже называют клошарами.

Маринка все еще не могла прийти в себя от того, что она по неосторожности натворила, но известное женское любопытство взяло верх:

– Вы бывали в Париже?

Незнакомец прошелся по комнате, встал напротив письменного стола и ткнул пальцем в географическую карту. Куда-то в самую ее середину:

– Конечно. Там замечательные кофейни, в которых подают не очень хороший кофе, но вполне приличный чай. Он пахнет яблоками и ежевикой. А еще там чудесные круассаны. Легкие, как воздушная кукуруза. Правда, английский можжевельный чай с булочками и бутербродами вовсе не хуже. Только мне особенно разьедаются не рекомендуют. Но от японских

колобков «цукини» я бы не отказался. Они похожи на полную луну и почти не сладкие. Зато очень красивые. Говорят, что японские сладости – это съедобные стихи. А ты когда-нибудь видела, чтобы от стихов поправлялись?!

– Так вы и в Японии были?

Пришелец внимательно посмотрел на карту и, обнаружив Японию на положенном ей месте, улыбнулся:

– Я бываю везде, где любят чай. Чай – это всегда путешествие, даже если оно происходит у тебя в голове. Я – чайный путешественник и меня зовут Мирус Перегрин Бэнси-Ли, – гость галантно поклонился и зачем-то полез в карман своих холщовых штанов. – Понимаю, что это довольно длинно, странно и не очень удобно для дружеского общения. Поэтому, давай так: в целях экономии отбросим некоторые формальности и получим вот что...

Незнакомец пошарил в кармане, вытащил крохотную визитку и протянул ее Маринке. На ней среди узоров из чайных листьев было напечатано: «Сэр Бэнси-Ли. Создатель Впечатлений».

Оказалось, что имя гостя возможно сделать еще короче.

– Меня можно называть сэром Бэнси. Или – просто Бэнси. И ты зови меня так, если хочешь. Коротко и понятно. А у тебя есть короткое имя?

– Такого имени у меня нет, – огорчилась Маринка. – Но у меня есть школьное прозвище!

– И как же тебя называют в школе?

– Почти как дома – «Малинка».

– Прекрасно! – обрадовался Бэнси. – Мне очень нравится это имя. Тебя окружают приличные люди: в школе часто дают такие обидные и неприличные прозвища!

После того, как официальное знакомство состоялось, Малинка робко поинтересовалась:

– «Создатель Впечатлений» – это должность или профессия?

– Нет. Это – призвание.

Похоже, что человеку из чайника уже не раз приходилось отвечать на подобный вопрос. Действительно, обозначенное на визитке призвание было довольно необычным.

– Да, я стараюсь разбудить воображение и помогаю людям получить самое главное в жизни богатство – впечатления...

Бэнси помолчал, обвел взглядом комнату, весь этот разор и беспорядок, неодобрительно покашлял и сел на скамеечку у стола – ее Малинка подставляла под ноги, когда делала уроки.

Тут наш чайный гость вспомнил о чем-то очень важном. Он даже привстал со скамейки и сделал строгое лицо:

– Во избежание всякой путаницы, хочу официально заявить: я не джин из старого чайника и не исполняю желаний. Не превращаю ворон в черепах, а кучу золы в сокровище. Я рассказываю истории о возможном или желаемом. О том, каким может быть знакомый тебе мир, когда его любишь и хочешь ему добра. Конечно, я делаю это не один – мир слишком сложен, чтобы рисовать его в одиночку и всего лишь одной краской...

Итак, важное заявление было сделано, и сэр Бэнси снова расположился на скамеечке, готовый слушать и отвечать на любые вопросы.

– Мне очень жаль, – спохватилась Малинка, – что я разбила ваш чайник. Я попрошу папу, и он обязательно купит вам новый. С кнопочкой. – Малинке так хотелось сделать хоть что-нибудь приятное для этого симпатичного пришельца.

– Не уверен, – покачал головой Бэнси, – придется ли мне по вкусу это новоселье. В старом чайнике было так уютно. В нем пахло Индией и Цейлоном, его никогда не оскорбляли чайными пакетиками. И еще: ко мне очень хорошо относился твой дедушка. Впрочем, ничего вечного нет. Разве что чай. Люди пьют его уже три тысячи лет. Это же целая вечность!

Бэнси посмотрел куда-то в угол комнаты, сквозь бетонные стены. Возможно, туда, где находилась эта необъятная и немислимая вечность.

– По сравнению с ней наши беды сушие пустяки, – пришелец вновь оживился, и его глаза, еще минуту назад задумчивые и печальные, стали озорными. – Ну ничего, всё как-нибудь устроится. И дом для меня обязательно найдется. Скажу по секрету: в своё время я сделал одно замечательное приобретение...

– Вы приобрели недвижимость в каком-нибудь сказочном месте! – голубые глаза Малинки излучали уважительное почтение.

Бэнси снисходительно улыбнулся:

– Я приобрел хороших друзей, дорогая моя. Но действительно в сказочном месте, и мне пора туда возвращаться. Иначе кто же напоит всех зеленым жасминовым чаем или красным со вкусом чернослива. Или бирюзовым чаем с запахом ранней весны. Все будет зависеть от настроения. Какого чая хочется тебе?

– Черного, – не задумываясь ответила Малинка, перед которой опять открылась перспектива совершенно беспросветного одиночества.

Бэнси запустил руку в карман своих штанов и совсем как цирковой фокусник неожиданно вытащил оттуда живую кукушку.

Похоже птица только этого и ждала – она тут же начала куковать во все горло, а человек из чайника принялся вести счет. Когда кукушка бодро прокуковала шесть раз и замахала крыльями, чайный гость озабоченно заметил:

– Уже шесть часов после полудня, и мне давно пора быть в кафе «Славная Петелька»! Джентльмены не опаздывают. Если, конечно, не случаются события из ряда вон. У нас как раз такой случай? – обращаясь к Малинке, спросил Бэнси.

Малинка уверенно кивнула в ответ, считая, что этот как раз тот самый исключительный случай, когда джентльмен может и опоздать на дружеское свидание. Совершенно не теряя при этом лица.

Бэнси похоже был готов пожертвовать этикетом ради помощи ближнему – нельзя же вот так просто бросать людей с черными мыслями в голове!

– Позволь мне предложить тебе зеленого чая, – оживился он, засовывая замолчавшую кукушку обратно в карман. – Зеленый – это цвет надежды. Это любимый цвет в нашем городе, имя которому Уолдинхед¹. Это его официальное название. Вообще-то у нашего города много имен, можешь выбирать любое...

– Да ну!

– Конечно. Ты же знаешь, что у людей бывает по несколько имен. И ничего. И город чем хуже?

– Ну и какие это имена?

– Мироум, Нарокаш², Игэ Миньюнь³ – Город Одной Судьбы – это если перевести с китайского. Но чаще всего мы называем наш город Пайпервиль⁴ – что значит Разноцветная Пристань или Город из бумаги⁵.

– Разноцветная Пристань. Мне нравится!

– А еще это легкий, чистый и зеленый город.

– Пайпервиль, Уолдинхед? Это где-то совсем далеко, – уверенно предположила Малинка. – В Англии, наверно.

¹ Уолдинхед – мир в голове (world in head – англ.).

² Нарокаш – цветной, пёстрый (араб.).

³ Игэ Миньюнь – одна судьба (кит.).

⁴ Пайпервиль – от английского pied pier – «разноцветная пристань».

⁵ От английского paper – «бумага».

Бэнси снисходительно улыбнулся.

– Да, Англия безусловно имеет отношение к чаю. Но ты ошиблась – этот чудесный город не принадлежит какой-то одной стране, у него нет одного хозяина и он совсем рядом с тобой.

Этого просто не могло быть! Малинка знала всю округу как свои пять пальцев и не страдала географическим кретинизмом. Никакого Уолдинхеда нигде не было и в помине!

Бэнси словно прочитал ее мысли:

– Я знаю, ты мне не веришь. Но несмотря ни на что наш Город существует! Если очень захочешь, то сможешь там без труда оказаться. Конечно, при условии, что ты девушка с воображением и нам не помешают.

После этих слов почему-то замигала настольная лампа, и где-то за стеной раздались глухие и совершенно незнакомые голоса:

– Мистер Трик!⁶

– Мистер Трабл!⁷

Соседи по дому бывало чудили и подолгу не давали спать, но Малинка была абсолютно уверена, что среди них не было никакого мистера Трика, тем более мистера Трабла!

Похоже, что Бэнси ничего не услышал. Он вскочил со скамейки и начал бодро расхаживать по комнате:

– Ну что ж: я думаю, что «Славная Петелька» немного подождет. И если ты действительно готова вместе со мной взяться за сочинение некой занимательной истории о некоем городе по имени Пайпервилль, это значит, что мы говорим на одном языке, смотрим на мир почти одинаково, ждем от него одного и того же и вполне готовы к чудесным перевоплощениям.

Теперь Малинка догадалась, почему за плечами у сэра Бэнси старые театральные маски. При каждом движении они менялись местами и казались живыми.

– А теперь не почтить ли нам Луну, отведав чая? Поверь, что чашечка зеленого чая – это самое лучшее лекарство от всех сомнений и огорчений на свете.

Бэнси достал шелковый мешочек с отборными сушеными листьями чая. Из плетеной корзиночки подобающим образом был извлечен маленький серебряный чайник. Малинка сбегала на кухню и принесла кипяток в старом металлическом термосе.

Очень скоро в чайничке что-то забулькало, и в комнате снова нежно запахло жасмином. Хозяйка и ее неожиданный гость уютно устроились на полу и стали пить чай.

⁶ От английского trick – трюк, фокус.

⁷ От английского trouble – неприятность.

III. «Разноцветная Пристань», или Как зайти в Арабский квартал, свернуть в Париж и оказаться в Индии

– Наш Город появился так давно, что никто и не помнит, – начал свою историю Бэнси. – Даже археология ничем не может помочь. Совершенно доисторические времена. И всё это не смотря на то, что Город совсем рядом.

– Если он так близко, почему я о нем ничего не слышала? – удивилась Малинка.

– Потому что не там его ищешь. Ты просто еще не знаешь, что всё действительно достойное внимания находится до смешного близко. Поверь на слово бродячему создателю впечатлений – счастливый «остров», который тебе нужен, давно рядом, и ты можешь попасть туда, когда пожелаешь. Конечно, поначалу без помощи таких как я обойтись нелегко. Но игра стоит свеч – ты научишься видеть то, что другие просто не замечают. И тогда... Тогда перед тобой во всем своем великолепии предстанет наша Разноцветная Пристань, наш Пайпервилль. Если хочешь, я немного расскажу тебе о нем: всегда следует знать, из какого материала создаешь очередную фантазию.

Малинка уселась поудобнее и приготовилась слушать.

– Итак, что сказать о нашем славном Городе? – Бэнси снова подошел к карте, неопределенно поводит по ней пальцем и лукаво подмигнул. – Нет, его не найдешь ни на одной вашей географической карте. И слава Богу! Иначе бы его просто затоптали дотла. А ведь там такая волшебная красота! Такая роскошная природа! Такая восхитительная архитектура! И, конечно, невероятные возможности для путешествий!

Бэнси, словно опытный агент туристического бюро, широко раскинул руки, изображая открывающиеся перспективы.

– Только представь себе вот такую сказочную картину: ты попадаешь, к примеру, в Арабский квартал. Под палящим солнцем сияют бирюзовые купола мечетей, искрятся прохладные фонтаны дворца Великих Визирей. Ты видишь рынок, где всегда полным-полно людей – разносчики сладостей, продавцы лепешек и священных амулетов.

Малинка прикрыла глаза и ей показалось, что она уже слышит далекие голоса торговцев и шум падающей из фонтана воды.

– Ты делаешь еще один шаг, – продолжал свою историю Бэнси, – совсем маленький шаг за угол дома и оказываешься уже в старой доброй Франции. Там, на *La place du bon passé* – Площади славного прошлого – есть мое любимое кафе «Старый сплетник». К полудню здесь набивается куча народу – артисты, оставшиеся без театра, поэты, которые мечтают о посмертной славе и много других замечательных людей. Актеры лицедействуют, поэты совершенно бесплатно выкрикивают свои стихи. И все дружно запивают это крепким кофе.

Чудесную площадь окружают дома. В одном из них дружественный мне спаниель сторожит вход в старую антикварную лавку. Она как затонувший корабль на дне моря – в ней всегда полно всякой всячины...

Малинке, как и всем девочкам в ее возрасте, уже давно хотелось завести живую собаку, пусть даже самую последнюю дворнягу. Её можно было кормить, выгуливать и, конечно, учить сидеть на задних лапах. Но дворняг не дарили: что тут говорить о спаниеле! Об этом можно было только мечтать.

Между тем человек из чайника с воодушевлением продолжал заочное путешествие по славному Пайпервиллю:

– За магазином есть подворотня, и если в нее быстренько нырнуть, то сразу окажешься в индийском квартале. Тут уж никакой тишины. Мотоциклисты гоняют по улицам как сума-

шедшие. Кричат чаеваллы – эти пронырливые разносчики чая. Толпы странствующих паломников гремят медными плошками. Они собирают в них подаяния. А восхитительные индийские факиры и бродячие артисты?! А еще – здесь всегда горячее солнце и пахнет благовониями.

Малинке показалось, что комнату заполнил легкий дым от ароматных палочек, которые иногда зажигал ее бабушка, а в самом углу комнаты весело побежали какие-то забавные тени...

– Вся прелесть в том, что совсем рядом, в соседнем японском квартале, накрапывает дождь и пахнет креветками. Совсем как в рыбном отделе супермаркета. Здешние жители – чемпионы мира по поеданию креветок. Не поверишь, но они съедают их по сто штук в год, исключая грудничков и больных аллергией!

– Значит японцы пахнут креветками? – уточнила Малинка.

– Все нет. Японцы пахнут Японией. Скажу тебе – это замечательный аромат. Словно прошел дождь, распустились цветы, а с моря подул свежий ветер.

– В конце одной из улиц, – продолжал свой рассказ Бэнси, – несколько сотен лет назад кто-то устроил чудесный сад камней. Японцы трудолюбивы и не любят запустения. Каждое воскресенье они дружно надевают цветные кимоно, берут в руки деревянные грабли и выравнивают гравий вокруг священных камней. Получается очень красиво. И очень загадочно. Можно смотреть на эти чудесные камни и думать о чем-нибудь важном. Я делал это не один раз, и всегда в голову приходили мысли – одна глубже другой.

Наверное, мысли, которые посещали Бэнси в те незабываемые минуты, были действительно так глубоки, что чайный гость благоговейно помолчал какое-то время, сделал неторопливый глоток из хрустального стаканчика и продолжал:

– Как ты уже, надеюсь, поняла, – Бэнси поднял вверх указательный палец, – наш Город сказочно велик, но всё что тебе необходимо, всегда находится рядом. Представь себе: от Мексиканского квартала до Первого немецкого переулка – пару минут ходьбы! Пойдешь на Восток, а попадешь на Запад. И наоборот. Если ты думаешь, что Африка так далеко, что тебе до нее нет никакого дела, ты глубоко заблуждаешься. В нашем Городе она рядом, за углом, и чтобы там ни происходило, это так же важно, как события на твоей кухне. Если ты решишь ударить по мячу на улице, где живут итальянцы, то можешь нечаянно попасть в окно какого-нибудь старого английского дома. И, не приведи Бог, – в окно мисс Липтон.

При этих словах лицо Бэнси осветила улыбка. Так говорят о человеке, которого прекрасно знают. И непременно – с самой положительной стороны...

– Ну это была рекламная часть моего проекта. А теперь заявляю официально: наш Пайпервиль пригоден для любых фантазий и путешествий. И они всегда заканчиваются без проблем и происшествий. И на них выдаются гарантии магистрата! Строго между нами, – сэр Бэнси перешел на шепот, – конечно, не обходится без проблем. Представь себе: если в Арабском квартале устроят шумную вечеринку, половина добропорядочных англичан не сможет спокойно заснуть на своей улице Бига и Бена. Но из всякого правила есть исключения. К примеру, как отменишь бразильский карнавал или праздник тайских фейерверков?! Тут уж приходится договариваться...

Бэнси снова отхлебнул из хрустального стаканчика и зажмурил глаза от удовольствия.

– Вы так красиво рассказываете, – восхищенно заметила Малинка. – Мне захотелось побывать в вашем Городе. Скажите, а Разноцветная Пристань, этот ваш Город – это игра?

– Конечно, нет. Впрочем, в каком-то смысле это игра воображения! Если у тебя с ним всё в порядке...

Малинка зажмурилась и стала представлять себе разные фантастические картины, чтобы проверить, на месте ли ее воображение. Оказалось, что оно пока никуда не делось и готово повиноваться.

Между тем Бэнси перестал ходить по комнате и снова полез в бездонный карман своих штанов, откуда вытащил уже знакомую вертлявую кукушку. Она покрутила головой и семь раз прокуковала.

– Я чудовищно опаздываю! Даже для джентльмена, у которого случилось событие из ряда вон. Если ты готова отправиться вместе со мной, стоит поторопиться!

Выбор был сделан. На всякий случай Малинка оставила маме записку, в которой было только самое главное: *«Пожалуйста, не волнуйся. Я ушла в Пайпервиль. Скоро буду, потому что это совсем рядом.»*

P.S. Со мной Бэнси. Он жил в нашем чайнике. И он очень милый».

Через минуту Малинка вместе со своим новым другом вышла на лестничную площадку и вызвала лифт. Путешественники вошли в тесную кабину, и тут Бэнси среди горящих тусклым светом клавиш увидел букву «P».

– Очень возможно, что наш Пайпервиль начнется как раз отсюда.

– Но это же парковка! – возразила Малинка. – Подземные гаражи под нашим домом. Никакого Города там нет. Одни автомобили и жуткая сырость.

– Какое обыденное сознание! Какая бедная фантазия! – возмутился Бэнси. – Ты случайно не знакома с мистером Бо⁸?

Малинка отрицательно покачала головой.

– Мне кажется, вы бы очень поладили с этим мистером Занудой. При случае постараюсь познакомить. Больше воображения, мой друг! Я создаю впечатления сотни лет, и пока не было никаких рекламаций. Один мой старый знакомый вот уже четыреста лет вместо ветряных мельниц видит крылатых великанов. Было время – над ним потешался весь белый свет. И что же? Где эти насмешники, для которых подобные чудеса – нелепость и чушь? Их давно нет. Их имена забыты. А моего друга славят. Ему ставят памятники за его блистательные миражи. Кстати, при случае я тебя с ним познакомлю: он замечательно разбирается в значках и медалях.

– Только не знакомьте меня с мистером Бо! – взмолилась Малинка.

– А уж это как карты лягут. В моих историях всегда есть много неизвестного. И вообще, мой друг, – хорошие впечатления это как хорошая еда – в ней всегда всего понемногу.

Наконец, сонный лифт добрался до буквы «P». С невероятным шумом раздвинулись дверцы, и наши путешественники оказались... на полутемной автомобильной парковке. Пахло бензином, сыростью и резиной. Чем тут определённо не пахло, так это загадочной Разноцветной Пристанью.

Казалось, что Бэнси потерпел сокрушительную неудачу. Как фокусник, у которого не задался фокус: публика замерла в ожидании, а белого кролика под шляпой не оказалось. Но чайный мечтатель и не думал расстраиваться. Скорее наоборот – видя Малинкино замешательство, он громко расхохотался.

Тут же выяснилась и еще одна причина такого неожиданного веселья: рядом с путешественниками, на бетонной колонне, подпиравшей своды парковки, был нарисован большой кот с угольно черными глазами и большой рыбой, которую он держал в авоське.

– Клянусь заваркой, это наш бездомный городской кот Конфуций! Он знаменит тем, что выучился гадать на пятидесяти гадательных палочках «Книги перемен». Невероятно, но он предсказывает будущее с помощью восьми триграмм и шестидесяти четырех диаграмм! И так ловко, что жители города за полгода записываются к нему на прием. Каждому хочется знать свое будущее.

– Знать все наперед? По-моему, это скучно, – заметила Малинка. – Это как читать книжку с конца.

⁸ Bore (англ.) – нудный, заурядный (человек).

– Вполне возможно, – вежливо согласился человек из чайника. – Но вы только посмотрите, какое поразительное сходство! Ну просто как живой. Это, наверное, чтобы мышей напугать? – предположил Бэнси.

– Это вряд ли. Мышами санэпидстанция занимается. А котов рисует Тёма Граффити. Краской из баллончика.

– Он итальянец или, может быть, даже француз? – оживился Бэнси, который, похоже, был неравнодушен ко всему французскому.

– Да нет, он местный. Граффити – это же прозвище такое. Он рисует на чем попало – на стенах, заборах, скамейках. Из-за этого теперь у нас весь двор разноцветный.

– Где же этот славный портретист?

Малинка пожалала плечами. Как могло показаться, уж слишком безразлично.

– Он что, твой приятель?

– Скажите тоже! Со мной он все время молчит и у него руки грязные. От красок. – Здесь Малинка почему-то смутилась. Похоже, что с Тёмой Граффити всё было не так уж и плохо.

– Вообще-то мы с ним давно знакомы. Он мой одноклассник. С первого класса...

– А чем же он еще знаменит? – любопытствовал человек из чайника.

– Он хочет сочинять всякие компьютерные игры.

Бэнси, похоже, несколько огорчился.

– Может быть лучше научить его сочинять хорошие истории? Впрочем, мы можем взять его с собой – Город большой. Воображения на всех хватит...

Тут в самом дальнем углу парковки мелькнула какая-то тень. Она метнулась к лифту, но он уже ушел, прощально помигивая лампочками на панели вызова.

Когда вокруг запахло свежей краской, стало ясно, что пугливая тень возле лифта – это сам маэстро Граффити. Похоже он был сильно удивлен, увидев в своей бетоно-картинной галерее людей с театральными масками в руках.

Немного осмелев, он робко поинтересовался:

– Это у вас карнавал в подвале?

– Что-то вроде того, – успокоил его Бэнси. – Не желаете ли присоединиться? Мы и маску подходящую подберем.

Тёма, наконец, вышел из темноты и оказался высоким, нескладным юношей в полосатом свитере и мятых джинсовых брюках. Вы наверняка знаете о том, что все более или менее способные программисты чудовищно неаккуратны. Просто им некогда заниматься собой – для них на свете есть вещи куда более важные!

Теперь и Тёма разглядел свою одноклассницу. Она приветливо улыбалась – эта встреча была очень кстати. Как ни говори, в таком необычном и, возможно, рискованном путешествии знакомый попутчик будет вовсе не лишним.

– Познакомься, это сэр Бэнси-Ли, – представила Малинка своего нового друга.

– Можно и не так официально. Бэнси, если угодно, – по-домашнему просто отрекомендовался сэр Бэнси и протянул Тёме руку. Рука незнакомца была такой маленькой и теплой, а голос таким искренним и миролюбивым, что Тёма тут же позабыл о своём недавнем намерении воспользоваться лифтом.

– А у вас есть короткое имя? – поинтересовался Бэнси. – Чтобы было удобнее дружески общаться.

– Можно называть меня Тим.

– Великолепно! Бэнси, Малинка и Тим! – Бэнси выкрикивал имена так громко, что в подвале заметалось эхо.

Когда все успокоилось, и знакомство состоялось, Малинке пришлось рассказать Тиму обо всем, что с ней случилось некоторое время назад. Конечно, опустив некоторые необязательные подробности вроде разбитого чайника, черных мыслей, а также неудачи с буквой «Р».

Идея отправиться на поиски славного Пайпервиля или Уолдинхеда, или Разноцветной Пристани (это кому как нравится) показалась Тиму достаточно сумасшедшей, чтобы стать интересной. К тому же и воскресных планов не было никаких.

Но в каком направлении двигаться?

Бэнси успокоил своих новых друзей:

– Всё рядом, в Магазине за Углом.

Такой незатейливый маршрут показался Тиму слишком подозрительным.

– За углом нет никакого магазина. Когда-то было турагентство, но его давным-давно прикрыли. Оно продавало путевки в страны, которых даже не было на карте.

Бэнси и это обстоятельство несколько не смутило. Он решительно двинулся к выходу на улицу. Скоро никем не замеченная тройца вышла из подъезда и отправилась в Магазин за Углом.

Магазин, как ни странно, оказался на месте. Все, как полагается: окно, дверь, вывеска, бронзовый колокольчик, который вежливо звякнул лишь только путники вошли внутрь.

И тут Малинка и Тим от удивления открыли рты.

Это был действительно необычный магазин. Прямо у входа стоял огромный кованый сундук с откинутой крышкой. Он был доверху набит всякой заморской всячиной: цветные платки из Индии, турецкие блюда для сладостей, деревянные куклы театра марионеток из Индонезии, японские бумажные фонарики, перуанские бусы, а еще золоченый арабский кальян, похожий на реквизит заклинателя змей.

Над головой раскачивались подвешенные на нитках серебристые трубочки воздушных органов. Они тихо звенели, и их нежные голоса были так прекрасны, словно там, под потолком, летали ангелы.

На полках вдоль стен, на самом видном месте была расставлена чайная посуда. Маленькие, почти игрушечные китайские чайнички из разноцветной глины стояли рядом с марокканскими сосудами для воды. Словно потешное войско чая матэ выстроились пузатые сушеные тыковки-калабасы с бомбижьями, похожими на стволы старинных ружей.

Тут же толпились медные тульские самовары, готовые без устали кипятить родниковую воду, подогревать заварочные чайники – в общем, прилежно производить домашний уют.

Коллекцию завершали ряды заносчивого английского фарфора. Казалось, что пить чай из всех этих строгих опрятных чашек будет дозволено только наследным принцам и прочей родовой знати с безупречной генеалогией.

Хозяином этой части Магазина был Мастер Чая – приветливый китаец в расшитом драконами шелковом халате и косичкой, торчавшей из-под бархатной шапочки цвета спелого апельсина.

Вторую половину чудесного Магазина занимали необычные музыкальные инструменты, театральные маски и праздничные наряды со всего света: японские кимоно, роскошные арабские халаты, торжественные одеяния индейских вождей, сверкающие мексиканские шляпы-сомбреро и полосатые перуанские пончо.

Это было хозяйство Мастера Представлений – длинного худого араба в войлочной шапке и накидке из разноцветных лоскутков. На плече у него висела необычная сумка из «двойного» кокосового ореха. Издали она походила на огромную фасоль, на боках которой искусно вырезали восточные узоры и арабские письмена.

Мастер стоял у Двери, обитой шелком. В центре ее красовалась зеленая роза.

– Это переход из Мира спящих в Мир бодрствующих. Слава Всевышнему! – так объяснил назначение Двери Мастер Представлений. —

Там Город, который вам нужен. Во времена, когда древо моей юности широко простирало свою тень, и ветвь радости была богата плодами надежд, я жил в этом благословенном месте. И не было человека счастливее меня. Я устраивал представления для всех, кто устал смотреть

на жестокость и равнодушие. Люди хотели красоты. Они мечтали о высоком. И я давал им то, что они хотели. А теперь я здесь и помогаю тем, кто мечтает попасть в мир, скрытый за этой дверью.

В это время стоявший рядом Мастер Чая вежливо наклонился и шепнул что-то на ухо сэру Бэнси. Тот одобритительно кивнул.

– Пора в дорогу – Город ждет вас, – обратился к путешественникам Мастер Чая.

Все притихли, ожидая чего-то необычного, но пока еще совершенно непонятного.

– Куда же подевался план Города? – вдруг засуетился молчаливый до этого Бэнси. Он стал лихорадочно шарить в карманах своего вместительного кафтана.

– А зачем он вам? – удивилась Малинка. – Вы и так прекрасно знаете дорогу. Всё у вас в голове. Вы же мне рассказывали...

Не прекращая попыток отыскать пропажу, Бэнси решил кое-что объяснить:

– Город, я, конечно, знаю. Но дело в том, что в нем постоянно случаются какие-то перемены. Появляются новые улицы, не говоря уже о переулках. Иногда они странным образом делятся пополам или меняются местами.

– Я что-то слышал о дрейфующих материках, но ничего не знаю о дрейфующих улицах, – насторожился Тим. – А вдруг ваш Город вообще давно куда-нибудь «уплыл»?

Бэнси энергично замахал руками:

– Не говорите глупостей, молодой человек. Город – это совсем другое дело. Он стоит себе как вкопанный. Уж неизвестно сколько тысяч лет. А вот с улицами бывают недоразумения...

И здесь на помощь пришел китаец в расшитом шелковом халате.

– Пусть успокоится ваше сердце: у меня есть для вас самый свежий и подробный план Города.

Он протянул Бэнси бумажный свиток. Тот развернул его, и в правом верхнем углу вспыхнул разноцветный геральдический знак. Это был древний герб Уолдинхеда: крошечные дома и целые кварталы стояли на большом серебряном блюде, которое покоилось на спинах трех белых слонов. Казалось, на этом гербе сошли с ума все параллели и меридианы: с одной стороны на Город светило яркое южное солнце, с другой – падал снег. В окружавший эту необычную картину орнамент были умело вплетены тропические орхидеи и мохнатые ветки северных елей. Такова была эта геральдическая фантазия.

Обрадованный Бэнси ткнул пальцем в одну из улиц на живописной карте:

– Вот здесь нас ждут мои друзья. Теперь мы уж точно не заблудимся!

Через несколько минут молчаливый араб засунул карточку зеленого цвета в щель опекаемой им Двери, и она тут же распахнулась, открывая проход в огромный зал, который оказался привокзальной площадью. Посредине ее возвышалось огромный куб – странное сооружение похожее на гигантский автомат для попкорна.

С легким поклоном китаец подал Мастеру Представлений большой металлический ключ. Араб подошел к резной дверце, устроенной в кубе, вставил в замок ключ и медленно его повернул. Куб мгновенно разделился на части. Они бесшумно повернулись на штырях и начали складываться в новые причудливые формы.

Все разом преобразилось. Теперь вместо куба, еще несколько минут назад стоявшего в зале, появились картины из дерева и ярких тканей: волшебные сады, парящие птицы, покрытые снегами горы.

Неизвестно откуда взялись странные люди в длинных одеждах. Они несли свечи и тихо пели на каком-то непонятном языке.

Сказочные картины медленно разошлись в стороны, и открылся просторный туннель, откуда тихо выкатился новенький сияющий трамвай с буквой «П» на лобовом стекле.

– На нем вы и отправитесь в Город, – начал свое напутствие Мастер Представлений. – Сначала вы увидите за окнами белый и очень яркий свет. Возможно, он ослепит вас и заставит

закрывать глаза. Белый цвет – это покой, чистота и сила. Но будьте наготове: вскоре вас окутает желтый свет, похожий на туман. Это цвет молодости, знак гостеприимства и щедрости. Потом вас подхватит голубая волна. Она придаст уверенности и подготовит к череде перемен. Они придут вместе с горячим потоком красного цвета – цвета сердца и огня. Это значит, что цель близка. И уже в самом конце пути вы увидите прекрасную зеленую гору – за ней и начнется наш благословенный Город. Да будет так!

Путешественники зашли в городской трамвай и удобно устроились в креслах. Они поведали в то, о чем им говорили. У них уже не было никаких сомнений. Только желание поскорее добраться до места. Но в этот момент какой-то незнакомый господин прыгнул на подножку отходившего вагона.

Незнакомец был в сером длиннополном плаще и с огромным портфелем в руке. Это был необычный, высокопоставленный портфель. Его черная кожа нестерпимо сияла, а замок казался надежным и неприступным как знаменитый форт Нокс, где хранится все золото Америки.

Портфель не был набит до отказа, как миллионы других, которые лезут из кожи вон, чтобы вместить в себя как можно больше. Портфель человека в сером плаще был многозначительно тонок. Вполне возможно, что каждая положенная в него бумажка имела огромное значение.

На золоченой пластине, прикрепленной к этому выдающемуся портфелю, была хорошо заметна надпись: «Бюро мистера Бо».

Больше ничего разглядеть не удалось – в глаза наших искателей приключений ударила вспышка белого света, и путешествие в Пайпервилль началось.

...Когда игра света в тоннеле закончилась и трамвай проскочил обещанную хранителем Двери зеленую гору, друзья оказались на пустынном городском перекрестке. Небольшая табличка, укрепленная рядом с трамвайной остановкой, сообщала, что здесь начиналась улица Восходящего Солнца. Как выяснилось, одна из главных улиц Японского квартала.

Бэнси был озадачен – трамваю полагалось прибыть совсем в другое место. К тому же серый незнакомец с авторитетным портфелем неожиданно исчез. Скорее всего, заблаговременно спрыгнул с трамвайной подножки. Было похоже, что в сюжет истории, придуманной человеком из чайника, вмешался еще один неведомый и не очень доброжелательный автор.

Между тем наступил день. Но солнца не было и в помине, а сверху лило не переставая. Надо сказать, что в Японском квартале это было обычным делом – с небес капало слишком часто. Метеорологи подсчитали: в два раза чаще, чем в других городских кварталах.

Небо опустилось так низко, что, казалось, можно дотронуться до него кончиком зонта. Но это была иллюзия. К тому же и зонт никто не догадался прихватить.

– Мне нравится все японское. Но этот отвратительный дождь! Плащей нет, зонтов тоже. Мы все вымокнем до нитки, – расстроилась Малинка.

– «Дождь». Это самое любимое японское слово, – заметил Бэнси. – Когда что-нибудь любишь по-настоящему, готовься к тому, что увидишь и обратную сторону медали. Будем утешаться хотя бы тем, что трудности тренируют нас не хуже спорта. Любой англичанин скажет вам, что непогода – это отличный соперник.

Тут уже не выдержал Тим:

– Какие там тренировки! Мы просто вымокнем до нитки!

Это было справедливо. Значит, следовало что-то предпринять. Бэнси достал ярко записную книжку пожарно-красного цвета и быстро отыскал нужную страницу:

– Ну, конечно! Нас спасут дежурные зонты! У японцев есть один замечательный обычай: держать пару-тройку зонтов про запас. Их может взять каждый. Надо только найти гостеприимное место...

Друзья долго шли вдоль домов, пока не наткнулись на маленький магазинчик, где за стеклянной витриной расхаживали голубые цапли, а в большом аквариуме лениво перебирали лапками водяные черепахи. Прямо у входа на медных крючках висели три отличных дежурных зонта.

Счастливым Бэнси ликовал как мальчишка, выигравший в лотерее конфету:

– Я же говорил: наш Пайпервиль чудесно гостеприимен!

Тим недоверчиво усмехнулся:

– Прямо как в цирке – раз и готово! Наверное, здесь живут фокусники...

– Да, если считать гостеприимство иллюзией...

Теперь дождь был уже не так страшен, и можно было оглядеться.

Вдоль улицы, за низкими заборами, сложенными из разноцветного камня, стояли дома. Некоторые в несколько этажей. Со стороны казалось, что на крышу одного дома поставили другой, поменьше. Потом еще и еще. У каждого из них была своя крыша. Получался целый поселок, который из-за экономии места не разбросали по земле, а аккуратно вытянули в небо.

Перед домами были разбиты крошечные сады. Среди камней, зеленых кустов, фиолетовых ирисов и желтой лаванды виднелись пруды размером с хороший плед. Они морщились от дождевых капель и меняли свой цвет при каждом порыве ветра. Зелень садов была такой изумрудной и веселой, словно не было хмурого неба и надоедливого дождя.

Над окном одного из домов путешественники заметили подвешенную на веревочке смешную куколку. Маленький шарик, обернутый белой тряпицей. Яркой черной тушью на нем были нарисованы нос, улыбчивый рот и узкие глазки.

Эта кукла, как объяснил Бэнси, висела не просто так. Она должна была усмирить надоевшие дожди. Но они всё шли и шли, не обращая на нее никакого внимания.

Посредине улицы трудолюбивые японцы устроили большой общественный пруд, в котором плавали золотые рыбки. Их плавники напоминали вуали придворных дам, а чешуя заманчиво переливалась несмотря на все оптические помехи и скудное освещение.

– Я думаю, эти славные рыбы могли бы понравиться вашему городскому коту Конфуцию, – обратилась восхищенная Малинка к Бэнси. Но его это несколько озадачило.

– Не уверен, что в меню Конфуция есть золотые рыбы. Если только в праздничном. – Бэнси достал желтую записную книжку, что-то отметил в ней карандашиком, а потом снова спрыгал. – Нет, Конфуций не стал бы их есть. Из этических соображений.

– Я и не предполагала этих рыб на обед, – в свою очередь удивилась Малинка. – Конфуций, как вполне продвинутый кот, мог бы всем этим просто любоваться.

Малинка не знала, что Конфуций совсем не жаловал Японский квартал. Большинство его жителей котов не в восторге, ведь у них довольно дурная репутация. Исключение составляют японские моряки, которым коты, особенно трехцветные *микэ-нэко*, приносят удачу. Но Конфуций был одноцветным котом, значит, и море ему ничего хорошего не сулило. Вот если бы Конфуций оказался собакой, его бы приняли как родного.

Существовала и еще одна причина, по которой Конфуций довольно редко появлялся в японском квартале. Здешние кошки говорили со странным акцентом: вместо привычного «мяу-мяу» то там, то здесь слышалось «нян-нян». Кто и когда испортил им произношение – неизвестно. Но согласитесь: не очень-то приятно общаться с теми, кто безобразно коверкает слова.

Было время, когда кошек и котов жители квартала вообще держали на коротких поводках. Но невероятно расплодившиеся мыши стали причиной специального Указа, вывешенного в середине восьмой луны на самом оживленном перекрестке. Указ гласил: «Предписывается спустить всех котов и кошек с поводков. Коты и кошки подлежат полному освобождению и им дозволено гулять там, где им того пожелается. Кроме того, предписывается торговлю кошками упразднить. Все, кто нарушит данное распоряжение, подлежат суровому наказанию».

Содержателям кошек предлагалось также снабдить каждую из них именной биркой. С тех самых пор японские кошки свободно гуляют сами по себе на юридически законных основаниях.

Наши путешественники пошли вдоль улицы и очень скоро, у самой обочины, увидели огромное дерево, обвязанное веревкой из рисовой соломы. Это была древняя сосна с изогнутым стволом и прекрасно кривыми ветками. У его корней стояли деревянная бочка с чистой родниковой водой, куль риса и ваза с фруктами. Жители улицы верили, что в деревьях, камнях и ручьях скрываются божества, которых необходимо время от времени подкармливать, чтобы они не рассердились.

– Я точно знаю, что голодные духи чрезвычайно опасны, – Малинка произнесла это шепотом, думая, что духи её могут услышать и наброситься с голодухи. – Конечно, духов можно понять: попробуйте не поесть несколько дней.

Вопрос был сугубо риторический, но для Тима эта тема оказалась совершенно конкретной:

– Я прошлым летом на спор почти два дня ничего не ел. Только жвачку. И ничего. Причем тут питание? – возразил Тим.

– А притом. Духи так уж устроены. Им нужно жертвоприношение, – продолжала Малинка. – Кусочек сладкого пирога, яблоко, даже старая кукла.

– А я думал им живых людей подавай...

– Возможно, я вас огорчу, – сказал Бэнси, – но не все японские духи так миролюбивы, – от этих слов у Малинки пробежал холодок по спине. – Есть водяные, есть длинноносые оборотни. Они всегда готовы придумать для нас что-нибудь неприятное.

– Я бы никогда не подумала, что все эти симпатичные чудища из мультфильмов так жутко опасны! – забеспокоилась Малинка.

– Успокойтесь, – не до такой же степени! – замахал руками Бэнси. —Справедливости ради стоит сказать, что раньше порядка было намного больше. Во время странствий вас обязательно сопровождали боги дорог и покровители путешественников. Теперь приходится полагаться на себя, а не на эту божественную благотворительность. Но если мы проявим к чужим духам должное уважение, нам нечего опасаться.

И в это самое время возле священного дерева раздался серебряный звон колокольчика, запахло благовониями и появился странствующий монах. Это было понятно с первого взгляда: у всех странствующих монахов такие печальные и добрые глаза, что спутать их с обычными смертными просто невозможно.

Монах был наголо обрит, и в этом не было ничего необычного. Но вот одет он был довольно странно – в стильный оранжевый костюм с черным галстуком. На его правом ухе висел крошечный телефон, из которого время от времени доносилось тихое стрекотание. Монах вслушивался в этот стрекот с таким огромным вниманием, словно передавали важное государственное сообщение. Но это не помешало ему тут же проявить знаменитую японскую учтивость.

– Намасте! Коннитива! Добрый день! Я Оранжевый монах, служитель Сверчкового храма. Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Путешественники вежливо поздоровались, но Тим, мало знакомый с восточным этикетом, при этом простодушно заметил:

– Что-то вы не очень похожи на монаха

– Во-первых, у нас сегодня праздник – День смены одежд. А во-вторых, вы видите меня совсем не таким, как на самом деле. Мир – это не то, ЧТО вы видите, а скорее КАК. Все меняется вокруг, если меняетесь вы...

– Вы думаете, что мы вот так вдруг изменились? – любопытствовала Малинка.

– Конечно. Как только вступили в игру. В игру воображения. Только в какую сторону вы успели измениться? Это всегда очень трудный вопрос...

– Вы и слышите по-другому?

– Конечно. У меня в ухе – телефон, а в нем голоса сверчков. Для кого-то это непонятный шум, но для меня это – волшебная музыка. Хотите послушать, как они поют в нашем Храме?

– Разве сверчки умеют петь? – не поверила Малинка.

– Разумеется. Это знает любой японец. У каждого сверчка свой голос. Обычный сверчок поет примерно так: «рин-рин-рин». Мраморный знает песню посложнее и поёт примерно так: «тин-ти-рорин, тин-ти-рорин». Есть и такая песня под названием «коро-коро-коро».

Напевая песни сверчков, монах растягивал губы и смешно закатывал глаза.

– И все это великолепиие я слышу по телефону, – продолжал монах. – А еще я передаю по нему свои проповеди. Людям некогда ходить в Храм, но они готовы слушать меня по телефону. Для этого у нас есть специальная телефонная линия. Она называется «Линия сердца». Набираешь номер в любое время суток и слышишь: моси-моси! Алло, алло! Эта линия очень полезна. В первую очередь для тех, кто сбился с пути...

Малинка обрадовалась:

– Это мы! Мы сбились. Ведь правда, сэр Бэнси?!

Бэнси пришлось согласно кивнуть.

– Но вы можете изменить свою карму, – продолжал Оранжевый монах. – Причем, без всякого обмана и совершенно бесплатно. За счет нашего магистрата. Вы сократите свой путь к цели, если пройдете через ворота-тории. Они очень просты с виду: два столба и две поперечные балки. Но это очень мудрые ворота.

– Прямо «звездные врата», тайна девятого шеврона, – усмехнулся недоверчивый Тим.

– Я бы не относился к этому так легкомысленно, молодой человек. И скрипучая калитка в покосившемся заборе может привести в Священное царство. Вам покажется, что эти ворота никуда не ведут. Но это не так. Верный путь тот, который выберешь себе сам. А уж тории сделают свое дело... Извините, но мне пора. Иттэ кимас! Что означает – я уйду и приду!

Все замолчали, а Оранжевый монах заторопился. В руках у него появился сверкающий кристалл. В нем был виден Великий Будда на белом слоне.

Монах прошептал еще какие-то непонятные слова и исчез, оставив после себя легкий запах сандала.

А надоедливый дождь шел и шел. Путешественники уже были готовы на всё, лишь бы найти сухое пристанище. «Ворота в никуда» уже никого не пугали.

– Все эти недоразумения случились не просто так, – начал размышлять вслух Бэнси. – Кто-то очень не хочет, чтобы наше путешествие было благополучным. Что ж, не станем паниковать, но будем осторожны. А для этого, как любят повторять жители этого квартала, надо внимательней «слушать музыку жизни».

– Я никакой «музыки» не слышу, – откликнулась Малинка. – А музыкальный слух у меня хороший.

– Нет, это совсем другая музыка. Она внутри тебя, – Бэнси проникновенно дотронулся до своей груди. – Сосредоточься, и тогда ты услышишь свой внутренний голос.

Эта теория понравилась Тиму. Он закрыл глаза и на мгновение затих:

– Внутренний голос подсказывает мне, что давно пора чего-нибудь съесть. Слышите, как урчит в животе. Я ведь сегодня даже пообедать не успел. Давайте поскорее найдем эти странные ворота.

Долго их искать не пришлось. Недалеко от пруда с золотыми рыбками, на зеленом лугу стояли чудесные ворота. Они никуда не вели. При этом, если верить Оранжевому монаху, они могли доставить путешественников в любое место.

Сначала к воротам подошел Бэнси. Ведь у него была карта Города, и уж он-то точно знал, где им следовало оказаться. За ним потянулась, шлепая по мокрой траве, продрогшая Малинка. И замыкал эту троицу вольный художник стен и подворотен, которому, если говорить честно, было уже все равно куда стартовать: в Храм Сверчков или на Бульвар имени Хаммурапи.

«Съесть бы сейчас чего-нибудь, – подумал проголодавшийся Тим, проходя под балкой чудесных ворот. – Можно сникерс или даже помидор».

Что-то щелкнуло в самом центре ворот, дрогнула земля, и вся троица путешественников оказалась на улице, щедро залитой солнечным светом.

IV. Помидорная война, или Искусство бросать пудинг

Солнце стояло так высоко, что дома почти не оставляли тени. Сначала вообще ничего нельзя было разглядеть – до того нестерпимо ярким был этот солнечный свет. И здесь, как и в японском квартале, выручили зонты.

Друзья не успели как следует оглядеться, как мимо них со свистом пролетел какой-то предмет, с хлюпанием ударился в стену дома и разлетелся ярко-красными брызгами. Потом еще и еще. Очень скоро «огонь» стал прицельным, и желтые зонты с золотыми драконами стали похожи на залитые кетчупом тарелки. Теперь уже было ясно, что путешественников атаковали помидорами хорошей спелости и приличного калибра.

Малинка потеряла дар речи от такого недружелюбия, зато Тим, не теряя самообладания, успел крикнуть, как это делали во многих виденных им боевиках: «Пригнись!». Но в ту же секунду спелый помидор угодил Тиму в ногу, оставив на джинсах кровавую кляксу.

Пришедший, наконец, в себя Бэнси смело вышел вперед, извлек из своего кафтана огромный белый платок и стал размахивать им над головой:

– Перемирие! Перемирие! Заклинаю, остановитесь! – закричал он так громко, как только мог. Но яркое солнце скрывало нападавших, и помидоры продолжали лететь через улицу.

Чем бы закончилась эта необъявленная война, неизвестно, если бы не подоспела помощь. Её звали сеньор Алонсо. Это был долговязый господин в старомодном костюме и стоптанных башмаках с разноцветными лентами вместо шнурков. Его усы топорщились, глаза блестели благородным гневом:

– Именем рыцарей Круглого Стола и двенадцати пэров Франции! Остановите этот помидорный терроризм! – крикнул он куда-то в уличную даль и добавил несколько слов на кастильском диалекте, который никому из нашей троицы, даже Бэнси, не был знаком. К сожалению. Потому что помидорная атака тут же прекратилась. Знай эти волшебные слова раньше, путешественники смогли бы избежать неприятностей.

Когда боевые действия, наконец, закончились, новый знакомый предложил поскорее покинуть злополучное место.

– Я приношу свои извинения за жителей нашего квартала, – торжественно произнес сеньор Алонсо. – Дело в том, что помидорные сражения освящены традицией. Полвека назад наши дети не на шутку расшалились и начали бросать свои школьные завтраки друг в друга. Через год друзья встретились снова. Шутки ради они стали забрасывать завтраками всех, кто проходил мимо. Даже иностранцев! Но никому не хотелось оставаться голодным, и завтраки заменили помидорами. Тем более чего-чего, а их в нашем солнечном квартале в избытке. Я понимаю, что для чужестранцев эта забава выглядит немного странно. Но что поделать, если эти помидорные сражения заразили все население округа?! Лучше уж такая «война», чем настоящая. Тем более, что длится она не дольше двух дней.

– Что, помидоров не хватает? – предположил Тим.

– Хватает здравого смысла. Я в молодости тоже немало почудил. Страдал одним странным умственным расстройством. А теперь вот работаю в лавке, продаю значки и почтовые марки. Вы, сеньор, случайно, не филателист? – обратился к Бэнси новый знакомый.

– Нет. А с чего вы это взяли?

– Мне кажется, мы с вами когда-то встречались. Вспомнил! Вас зовут сэр Бэнси и вы были на постоялом дворе «Старый рыцарский замок».

– Кажется, был. Но там мне не подали чая.

– Это очень прискорбно! Но вспомните, какие там были приключения, какие неожиданные открытия! Злые волшебники, чудовищные злодеи! Чудо как хороши! А вы случайно не фалерист? Могу предложить нечто эксклюзивное – нагрудный памятный знак герцога Оранского или медаль «За победу над нечистой силой»...

Сеньор Алонсо замолчал. У него развязался башмак. Он присел на городскую скамейку и начал завязывать цветную ленту-шнурок. Чтобы справиться с таким, в общем-то, не хитрым делом, сеньору пришлось согнуться в три погибели и изрядно попотеть. Это почти гимнастическое упражнение, как ни странно, вызвало у героя помидорной войны неодолимое желание говорить стихами:

– Так ежели за всякую вину
Мы вдруг начнем друг с другом расправляться,
То не оставим ни души в округе!

Бэнси с тревогой посмотрел на долговязого благодетеля. Но тот поспешил всех успокоить.

– Не волнуйтесь, уважаемые сеньоры и сеньорита. Мой рассудок в полном порядке. Чтобы не терять времени, в дороге я обычно сочиняю Манифест терпимости и дружелюбия. В поэтической форме. Как наиболее доходчивой и соответствующей моей миссии.

– Прошу прощения, благородный сеньор, но где-то я уже это слышал, – попытался вставить свое слово Бэнси.

– Что за вздор! – обиделся сеньор Алонсо. Но его доброе сердце тут же смягчилось. – Впрочем, если посмотреть на дело здраво и без ложных амбиций, такое вполне возможно. Не исключено, что вы слышали это где-то на другой улице нашего славного Города. Говоря откровенно, я люблю читать чужие стихи и романы – иногда в них находишь нечто вдохновляющее.

Сеньор Алонсо поднял глаза к небу, на котором не было ни облачка.

– Этим славным небесам было угодно произвести меня на свет в железный век, чтобы я воскресил в нем век золотой. Мне суждены были опасности, великие деяния и приключения. Как говорил один мой знакомый, на этом свете нет занятия более опасного, чем поиски приключений! Мне суждено было вспомнить о доблести рыцарей Круглого Стола короля Артура и двенадцати пэров Франции. Но все это в прошлом, – сеньор Алонсо горестно улыбнулся. – Теперь я вынужден торговать медалями и жетонами – старой славой былых времен. И представьте себе: этот товар идет нарасхват, ведь о новой славе и доблести что-то не слышно! Вы согласны со мной, дорогой сэр Бэнси?

– Я думаю, не все так печально, сеньор Алонсо, – ответил вежливый Бэнси. Но долговязый спаситель как ни в чем ни бывало продолжал свои воспоминания:

– Мне всегда и повсюду мерещились чрезвычайные ситуации – битвы, чары, любовные безумства и поединки. Мне и сейчас кое-что снится по ночам. Вот вчера, к примеру, я увидел славного рыцаря Тимонеля Каркахонского, властителя Новой Бискайи. Он предстал в лазурных доспехах и со щитом. А на нем – золотая кошка и надпись «Мяу». А все из-за того, что моя голова по-прежнему битком набита кучей прочитанных когда-то романов и историй!

– Вы счастливый человек, сеньор Алонсо! – восхищенно заметил Тим. – Я, к примеру, вообще ничего во сне не вижу.

– Юноша, читайте побольше романов!

Тем временем через просторные ворота путники вышли на Мадридскую площадь, которая походила на огромный двор внутри четырехугольника, составленного из прекрасных старинных домов. Кругом стояли сотни лотков, где были разложены потускневшие от времени монеты, до блеска начищенные памятные медали и жетоны, почтовые марки и целые горы сувениров. Особым спросом пользовался глиняный медведь, стоявший рядом с земляничным деревом.

Бронзовые от солнца бродячие музыканты без устали наигрывали на гитарах зажигательные мелодии, а молодежь пританцовывала и пела. Хвала небу, помидорами и не пахло!

– Я помню эту площадь в те времена, когда здесь устраивались бои быков, – мечтательно произнес сеньор Алонсо. – Знатные вельможи сидели на балконах. Только в одном доме, где располагалась Мясная лавка, было 477 балконов! При этом каждый зритель знал свое место, ведь оно зависело от тяжести его кошелька. Бродячие артисты устраивали здесь спектакли. Я и сам когда-то играл. Одного известного Рыцаря, потерявшегося во времени. Мне стоя аплодировали королевы и инфанты!

– А что с быками? – спросила Малинка. – Им тоже хлопали?

– Возможно, я вас огорчу, прекрасная сеньорита. Им доставались пики и шпаги. Да-да! Это так бесчеловечно! Я пробовал протестовать: не исключено, что быки были лишь видимостью, а на самом деле – это зачарованные андалусийские крестьяне. Но меня и слушать никто не захотел. А самое печальное: меня отлучили от театра! Пришлось играть себя самого. С тех пор я продаю марки и всякую мелочь...

– Это ужасно! – запротестовала Малинка. – Не хочу никакой корриды и несправедливых увольнений! Давайте отправимся в Индию. Мне говорили, что там коров не обижают!

Бэнси взял за руку разволновавшуюся Малинку:

– Славный сеньор, наверное, запомнил: бои быков в нашем Городе давно запрещены. Был даже принят специальный «Билль о защите животных» и 2536-я поправка к Конституции, по которой всем мычащим, ползающим, летающим, тьявкующим, мяукающим и пресмыкающимся была гарантирована неприкосновенность. Правда, кот Конфуций хотел пойти еще дальше, и народ стал поговаривать о возможном предоставлении всем этим милым созданиям полноценных избирательных прав, но вовремя остановился. Представьте себе, что будет, если в городской парламент начнут избирать...

Бэнси не успел договорить. Его прервал взволнованный сеньор Алонсо:

– Уважаемый сэр! Вы натолкнули меня на великолепную мысль: почему бы мне не создать «Странствующее общество по защите зачарованных животных и ветряных мельниц»!

– Разве их тоже надо защищать? – удивился Тим.

– Разумеется! Это памятники нашей ветряной истории! Или, может быть, ветреной?! И моей боевой славы. Были времена, когда я сражался с ними, принимая их за коварных волшебников. Но времена изменились. Теперь на мельницы нападают все кому не лень. И, поверьте, без всяких на то оснований.

– А как же злые волшебники? – не выдержала Малинка.

– Ну, они давно уже предпочитают селиться за чертой города, в замках и виллах. Там им удобней и безопасней делать свое черное дело. Я верю, что мой долг встать на защиту бедных животных и ветряных мельниц. И да исполнится воля небес! А если мне будет суждено привести в исполнение мои замыслы, я приобрету величайшую славу, ибо преодолю такие опасности, о каких не ведал ни один странствующий рыцарь Пайпервиля!

Сообщение о городских странствующих рыцарях Малинку сильно заинтриговало:

– А что, в вашем Городе действительно еще есть рыцари?

– Рыцари в Городе есть, – успокоил её Бэнси. – Не скажу, чтобы они попадались на каждом шагу, но, поверь мне на слово – их достаточно количество, необходимое для помощи слабым или попавшим в беду. Впрочем, вы и сами в этом только что убедились.

Поскольку нетерпеливый Алонсо порывался незамедлительно начать строительство Странствующего общества, наша славная тройца решила попрощаться с любезным сеньором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.